

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-33-48

Научная статья / Research article

Региональный комплекс Юго-Восточной Азии: опыт прикладного анализа на примере ситуации в Мьянме

К.А. Ефремова

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается авторская концепция изучения региональных комплексов, разрабатываемая в Центре комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, и оценивается опыт ее применения на примере международно-политического анализа текущей ситуации в региональном комплексе Юго-Восточной Азии. Актуальность предмета исследования обусловлена международно-политической ситуацией вокруг Мьянмы, остающейся одной из наименее изученных стран Юго-Восточной Азии. Целью исследования является научное рассмотрение рохинджийского кризиса с применением разрабатываемой автором прикладной методики регионального анализа. Суть данной методики заключается в том, чтобы выстроить сценарии развития международно-политической ситуации в регионе исходя из типа взаимодействий в рамках соответствующего регионального комплекса. В статье приводится авторское определение регионального комплекса, основанное на работах А.Д. Воскресенского, рассмотрен алгоритм сценарного анализа, выделены шесть «идеальных» типов региональных комплексов, обозначены стабильные и нестабильные типы региональных комплексов. Первая часть статьи посвящена существующим подходам к изучению региональной проблематики в теории международных отношений и мировому комплексному регионоведению, во второй части описывается авторская концепция прикладного международно-политического исследования региональных комплексов, а в третьей части приводится пример использования сценарного анализа на конкретном регионально-страновом материале — современной ситуации в мьянманском штате Ракхайн. На основе проведенного исследования получены следующие результаты: 1) посредством сочетания методов новостного мониторинга и ивент-анализа собрана информация о политических процессах, происходящих в Ракхайне в течение последних пяти лет; 2) данная информация ранжирована в соответствии с предложенной автором матрицей, характеризующей развитие ситуации по пессимистическому (–5...–1) и по оптимистическому (+1...+5) сценариям; 3) по результатам проведенного анализа сделан вывод о характере и степени интенсивности рохинджийского кризиса, намечены основные пути его урегулирования. В заключении автор выражает надежду на то, что предложенная методика может быть востребована регионаловедцами-международниками для анализа аналогичных международно-политических ситуаций.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Мьянма, рохинджа, международные отношения, региональный комплекс, комплексное регионоведение

Для цитирования: Ефремова К.А. Региональный комплекс Юго-Восточной Азии: опыт прикладного анализа на примере ситуации в Мьянме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 33—48. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-33-48

Regional Complex of Southeast Asia: A Case of Applied Analysis Focused on the Situation in Myanmar

Ksenia A. Efremova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This paper uses the method of applied analysis of regional complexes developed at the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (Moscow, Russia). Its scientific

© Ефремова К.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

relevance is defined by the importance of understanding the international and political situation in and around Myanmar. The aim of this study is a scientific exploration of the Rohingya crisis by means of applied methods of regional analysis, designed by the author. This methodology aims to trace scenarios of the development of international and political situations in the region based on the types of interactions within the Southeast Asian regional complex. The article offers the author's own definition of regional complex that builds on the works of Alexei D. Voskressenski, introduces an algorithm of scenario analysis, outlines six "ideal" types of regional complexes, and defines stable and unstable types of regional complexes. The first part of the article is devoted to current approaches in the study of regional problems in International Relations and World Regional Studies; the second part describes the author's conception of applied international political analysis of regional complexes; and the third part contains an example of the application of scenario analysis to specific regional and domestic affairs — in this case, the contemporary situation in Myanmar's Rakhine State. The research yields the following results: 1) by using a combination of the methods of news monitoring and event analysis, the author collected information on political processes in Rakhine over the last five years; 2) this information was arranged according to the matrix compiled by the author, which characterized the situation development according to the negative (–5...–1) and positive (+1...+5) scenarios; 3) based on the results of the aforesaid analysis, the author comes to a conclusion on the character and intensity of the Rohingya crisis and describes possible ways of its settlement.

Key words: Southeast Asia, ASEAN, Myanmar, Rohingya, international relations, world regional studies

For citation: Efremova, K.A. (2021). Regional Complex of Southeast Asia: A Case of Applied Analysis Focused on the Situation in Myanmar. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 33—48. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-33-48

Прикладной анализ международно-политических ситуаций и прогнозирование их дальнейшего развития являются логическим продолжением теоретических схем, составленных политологами, и практическим применением знания о конкретной стране или регионе, накопленного региноведами-международниками. Проблема заключается в том, что далеко не каждый политолог владеет регионально-страновым материалом и далеко не каждый регионовед свободно оперирует политологическими категориями. Следовательно, необходимо использовать такую методику прикладного анализа и прогнозирования, которая была бы понятна региноведам и при этом не теряла своей научной строгости. Такая методика была разработана в 60-х — 80-х гг. прошлого века в стенах ИМЭМО АН СССР и МГИМО МИД СССР. Она известна под названием «ситуационный анализ» [Примаков, Хрусталеv 2006].

Как отмечал один из основателей данной методики профессор М.А. Хрусталеv, ситуационный анализ возник как ответ на запрос со стороны Министерства иностранных дел и органов госбезопасности, которые требовали от аналитиков МГИМО «не просто выявления закономерностей развития обстановки, а конкретных результатов в виде политических рекомендаций» [Хрусталеv 2006: 121].

Для проведения прикладных международно-политических исследований в середине 1970-х гг. в МГИМО была создана Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений (ПНИЛСАМО), которую в разные годы возглавляли В.Б. Тихомиров, И.Г. Тюлин, М.А. Хрусталеv. В 1990 г. она была переименована в Центр международных исследований (ЦМИ), который, в свою очередь, в 2004 г. был преобразован в Научно-координационный совет по международным отношениям (НКСМО). Ныне преемником ПНИЛСАМО / ЦМИ / НКСМО является Институт международных исследований (ИМИ), созданный в 2009 г.

В феврале 2018 г. в МГИМО была образована Лаборатория анализа международных процессов (ЛАМП), целью которой стало изучение влияния новых технологий на международные отношения и внешнюю политику государств. Возглавил лабораторию директор ИМИ А.А. Сушенцов¹.

По мере того как процессы регионализации превращались в глобальный мегатренд, в МГИМО начали развиваться методология и

¹ Лаборатория анализа международных процессов // МГИМО МИД России. URL: <https://mgimo.ru/about/structure/ucheb-nauch/lamp/> (дата обращения: 20.10.2020).

прикладные методики регионального и кросс-регионального анализа. В 2002 г. на базе кафедры востоковедения и кафедры истории и политики стран Европы и Америки (ИПСЕА) была создана первая на постсоветском пространстве магистратура по зарубежному регионоведению, в образовательную программу которой были включены соответствующие теоретические курсы: «Кроссрегиональный политический анализ», «Кроссрегиональный политико-экономический анализ», а позже и курс обобщающего характера «Методология регионального анализа».

Научные исследования теоретического и прикладного характера по данному профилю (с акцентом на Восточную и Юго-Восточную Азию) ведутся также в созданном в 2017 г. Центре комплексного китаеведения и региональных проектов (ЦККиРП) под руководством профессора А.Д. Воскресенского.

В данной статье описывается алгоритм прикладного международно-политического анализа региональных комплексов, разрабатываемый в ЦККиРП МГИМО МИД России, и оценивается опыт его применения к анализу текущей международно-политической ситуации в Юго-Восточной Азии (и в частности в Мьянме). Вопросы, которые автор ставит перед собой, касаются эффективности существующих подходов к изучению региональной проблематики: в частности, автора интересует то, как и чем исследование регионального комплекса отличается от рутинного исследования международных отношений и насколько оправданным является применение предложенного алгоритма на конкретном регионально-страновом материале. Далее будут рассмотрены основные характеристики данного алгоритма.

«Идеальные типы» региональных комплексов и сценарии их политического развития

В первую очередь, следует дать определение объекта данного исследования, то есть понятия «региональный комплекс». Оно тесно связано с понятием региональной подсистемы международных отношений, однако не

тождественно ему. Региональный комплекс представляет собой «многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера разного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде» [Воскресенский, Колдунова, Лунев 2014: 196].

Ключевыми характеристиками регионального комплекса, согласно данному определению, являются:

— *многомерность*, то есть совокупность взаимосвязанных плоскостей (физико-географической, политической, экономической, культурной и т. п.), объединенных общими пространственно-временными рамками;

— *комплексность взаимосвязей*, то есть наличие неких паттернов (устойчивых моделей взаимодействия), повторяющихся на межгосударственном и региональном уровне;

— *разные типы и разная степень интенсивности взаимосвязей*, то есть отношения дружественности / враждебности той или иной степени выраженности;

— *выделенность из внешней среды*, то есть существование неких принципов включения / исключения государств, входящих в состав регионального комплекса.

Отсюда следует, что региональный комплекс — это *сложный аналитический конструкт, образованный в ходе осмысления исследователем совокупности взаимоотношений народов, населяющих изучаемый регион, между собой и со своей средой обитания.*

Отличительной чертой региона в международных отношениях является то, что он представляет собой «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах, объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее

существования являются взаимообусловленными» [Воскресенский 2002: 9]. Иными словами, природная и социальная среда накладывают определенные ограничения на деятельность людей, проживающих в данном регионе, и одновременно дают им определенные возможности, обусловленные спецификой международных отношений в той или иной части земного шара. В отличие от классической теории международных отношений теория комплексного регионоведения в полной мере учитывает эту специфику, что позволяет строить более надежные прогнозы и делать более обоснованные выводы [Ефремова 2020: 62].

Теоретически можно выделить разные типы региональных комплексов (например, региональные комплексы безопасности) и разные стадии развития региональных комплексов (например, «незрелые» и «зрелые» региональные комплексы). Как отмечает коллектив авторов под руководством Д. Уитлси, для регионального комплекса, называемого ими «компаж», характерно наличие или отсутствие особого регионального самосознания [Whittlesey, James, Malin, Jones, McCarty et al. 1952: 48]. Там, где оно имеет место, государства региона осознают себя элементами единой региональной общности, которой присуща своя особая региональная идентичность. Продолжая эту мысль, можно предположить, что именно наличие или отсутствие особого регионального самосознания может свидетельствовать о степени «зрелости» регионального комплекса.

Основным критерием выделения регионального комплекса безопасности, как правило, служит наличие некоего «узла противоречий», вокруг которого структурируются региональные взаимодействия. Э.А. Поздняков определяет узлы противоречий как «относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обостренностью отношений и конфликтностью, нестабильностью» [Поздняков 1976: 61]. Границы регионального комплекса безопасности проходят там, где значение этих противоречий для близлежащих

государств снижается или исчезает совсем, а на первый план выходят другие проблемные ситуации. Иными словами, уровень регионального комплекса — это «уровень, где государства и другие единицы связаны между собой достаточно тесно, так, что их безопасность не может быть осмыслена в отрыве друг от друга» [Buzan, Wæver 2003: 43].

Такая тесная взаимосвязь свидетельствует о том, что региональный комплекс безопасности (как частная разновидность регионального комплекса) представляет собой не просто совокупность государств, расположенных в непосредственной близости друг от друга, но особую региональную общность, взаимоотношения в рамках которой подчинены единой логике процессов секьюритизации и десекуритизации.

Согласно Б. Бузану, О. Вэйверу и Я.Х. де Вилду, термин «секьюритизация» подразумевает наивысшую степень политизации какой-либо проблемы, связанной с безопасностью. Теоретически любая проблема может быть секьюритизирована, то есть вынесена на первый план национальной и международной повестки дня. Секьюритизация означает, что государство и общество проявляют повышенный интерес к данной проблеме, в то время как десекуритизация свидетельствует о снижении такого интереса. При этом в реальности значение секьюритизированной проблемы может быть заметно преувеличено, вплоть до того, что внимание лиц, принимающих решения, может оказаться приковано к надуманным сюжетам, практически не имеющим ничего общего с реальностью. Таким образом, «под проблемой международной безопасности может пониматься любое явление, которое признается более значимым, чем другие проблемы, и на этом основании требующим абсолютного приоритета... Некая проблема становится проблемой безопасности не только потому, что она представляет собой реальную экзистенциальную угрозу, но и потому, что она представляется таковой» [Buzan, Waever, de Wilde 1997: 23—24].

Сказанное означает, что региональный комплекс безопасности, центрированный вокруг определенного «узла противоречий»,

имеет свою содержательную динамику, которая определяется процессами секьюритизации и десекуритизации. Это позволяет говорить о региональном комплексе безопасности как о своего рода социальном конструкте, поскольку он сопряжен с действиями государств по поддержанию безопасности и может самовоспроизводиться и трансформироваться в зависимости от того, что или кого они секьюритизируют в данный момент. Анализируя этот конструкт, следует выделить два ключевых параметра, характеризующих его устойчивость:

1) региональную модель силового уравновешивания (полярность);

2) отношения дружественности (*amity*) и враждебности (*enmity*) между государствами, образующими региональный комплекс безопасности [Buzan, Wæver 2003: 48—49].

Эти же критерии, на наш взгляд, можно применить к анализу регионального комплекса в целом, поскольку проблемы безопасности, охватывающие широкий спектр традиционных и нетрадиционных параметров (риски, вызовы, угрозы), являются для него структурообразующими.

Первый фактор, характеризующий конфигурацию регионального комплекса — полярность, — подразумевает наличие определенного количества полюсов, или центров силы. Исходя из числа полюсов принято выделять однополярные, биполярные и многополярные региональные комплексы. Вместе с тем взаимодействие государств в рамках регионального комплекса не сводится к простому столкновению центров силы. Оно зависит в том числе от второго фактора — отношений дружественности и враждебности, которые складываются под влиянием целого ряда причин, включая географические, исторические, социально-экономические и т. д. [Buzan, Wæver 2003: 40].

Руководствуясь двумя вышеназванными параметрами, можно составить таблицу типологии региональных комплексов, отражающую степень и характер вовлеченности государств регионального комплекса в решение общих проблем безопасности — со знаком «плюс» или со знаком «минус» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Типология региональных комплексов /
Typology of Regional Complexes**

Параметры / Parameters	Дружественность / Amity	Враждебность / Enmity
Однополярность / Unipolarity	A	D
Биполярность / Bipolarity	B	E
Многополярность / Multipolarity	C	F

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

В таблице суммируются шесть теоретически возможных «идеальных» типов региональных комплексов.

1. *Однополярно-кооперационные региональные комплексы (тип А)*. К данной категории относятся иерархически организованные региональные структуры, во главе которых находится наиболее мощное государство-лидер, существенно превосходящее по своему международно-политическому весу все остальные страны данного региона. При этом среди них существует негласный консенсус относительно права государства-лидера на неформальное доминирование, подкрепленного не просто его превосходящей национальной мощью, но и международным признанием его легитимности [Ауооб 1999: 253].

Государство-лидер, в свою очередь, проводит политику, отвечающую чаяниям малых и средних государств, предоставляя им в обмен на их лояльность определенные блага (например, поддержание региональной безопасности и гарантии сохранения существующего регионального порядка). Остальные страны региона, как правило, поддерживают государство-лидера в ООН и других международных организациях. Таким образом, в регионе складывается определенный симбиоз, от которого выигрывают обе стороны. Такие отношения являются самоподдерживающимися и могут длиться довольно долго.

2. *Биполярно-кооперационные региональные комплексы (тип В)*. Этот достаточно редкий и неустойчивый тип регионального

комплекса складывается там, где присутствуют два примерно равных по мощи государства-лидера, поддерживающие между собой дружественные отношения. Остальные страны региона, как правило, попадают в сферы их экономического, политического, культурного и иного влияния. Катализатором образования подобного альянса обычно является некая внерегиональная угроза, сплачивающая двух лидеров и заставляющая их на время забыть про свои двусторонние противоречия (которые неизбежно возникают ввиду того, что два равновеликих государства с лидерскими амбициями являются естественными региональными соперниками). Как только она исчезает, соперничество между двумя лидерами усиливается, что может привести региональный комплекс в состояние биполярной конфронтации (тип Е).

Однако возможен и благоприятный вариант развития событий, когда государства-лидеры соглашаются делегировать часть своих функций по поддержанию регионального порядка специально созданной региональной организации, что переводит подсистему к типу С.

3. *Многополярно-кооперационные региональные комплексы (тип С)*. Они образуются там, где сопредельные страны добровольно создают межгосударственные или наднациональные институты для поддержания существующего регионального порядка. Основной задачей подобных структур является укрепление атмосферы взаимного доверия, позволяющей государствам региона не тратить общественные ресурсы на военные цели (или, по крайней мере, существенно сократить свои расходы на оборону). Существует несколько разновидностей комплекса данного типа:

а) концерт держав, предполагающий заключение альянсов между наиболее влиятельными государствами с целью образовать коалицию, ориентированную на поддержание мира и обеспечение спокойствия и процветания региона;

б) организация коллективной безопасности, предусматривающая подписание международного договора, в который включаются

обязательства не прибегать к силе или к угрозе силой, разрешать взаимные споры исключительно мирным путем, оказывать друг другу помощь в вопросах обороны и т. д.;

в) плюралистическое сообщество безопасности, возникающее там, где государства настолько тесно взаимосвязаны общими ценностями и целями, что не рассматривают свою безопасность в отрыве от безопасности своих соседей;

г) интеграционная группировка, означающая наивысшую степень доверия между государствами, когда война между ними становится немыслимой [Lake 2009: 36].

4. *Однополярно-конфронтационные региональные комплексы (тип D)*. Этот тип является аналогом типа А с тем лишь исключением, что государство-доминант не воспринимается малыми и средними странами региона в качестве легитимного лидера. Соответственно, ему приходится навязывать свою волю сопротивляющемуся региональному окружению, буквально силой продавливая желаемые решения и действия [Hettne 1999: xxiii].

Таким образом, образуется региональная гегемония, характерными чертами которой являются односторонние, эгоистичные действия государства-доминанта, предпринимаемые им без учета интересов остальных стран. Однако в силу того, что государство-доминант вынуждено постоянно прикладывать значительные усилия для контроля над ситуацией в регионе, это быстро истощает его ресурсный потенциал и рано или поздно приводит к переходу подсистемы либо к типу А (если доминант пойдет по пути создания региональных институтов и превращению в легитимного лидера), либо к типу Е (если малые и средние страны региона, недовольные его доминированием, выдвинут из своей среды контрлидера, способного бросить ему вызов).

5. *Биполярно-конфронтационные региональные комплексы (тип E)*. Эта модель описывает противостояние двух равновеликих по мощи держав, каждая из которых претендует на лидерство в регионе. Как правило, у обеих держав есть свои страны-сателлиты,

входящие в иерархичные военные блоки на правах «младших партнеров». Кроме того, в регионе могут присутствовать страны, заявившие о своем нейтралитете (однако их роль незначительна). Поскольку кардинальные расхождения интересов двух региональных держав, претендующих на лидерство, не подразумевают возможность нахождения ими приемлемого для обеих сторон компромисса, противостояние двух блоков будет тянуться до тех пор, пока на чьей-либо стороне не окажется значительный перевес (например, за счет вступления в блок ранее нейтральных государств) или один из них не прекратит свое существование, что автоматически приведет региональную подсистему к типу А или D.

6. *Многополярно-конфронтационные региональные комплексы (тип F)*. Это классический пример регионального порядка в духе *Realpolitik*, где царит анархия и идет борьба всех против всех. Более и менее мощные государства объединяются во временные коалиции, которые распадаются сразу же после того, как их цель — не дать возвыситься державе-гегемону — была достигнута. Региональных институтов как таковых в данной ситуации возникнуть практически не может, а если они и возникают, то имеют сугубо формальный характер и не оказывают существенного влияния на ход политических процессов в регионе. В такой системе нет места мерам взаимного доверия и превентивной дипломатии, поэтому она очень неустойчива и существует только до тех пор, пока государствам удается балансировать на грани войны, не переходя к открытому вооруженному противоборству. У нее практически нет ресурсов для внутренней трансформации, за исключением перехода в тип E или D (которые, при всех их недостатках, все же более устойчивы, нежели тип F).

Каждый из этих шести типов коррелирует с определенной международно-политической ситуацией, при этом три из них (А, С, E) являются стабильными, а другие три (В, D, F) — нестабильными. Стабильные региональные комплексы обладают запасом прочности за счет устойчивой повторяемости взаимодействий, своего рода социальной инерции. Графически это можно изобразить синусоидой (рис. 1).

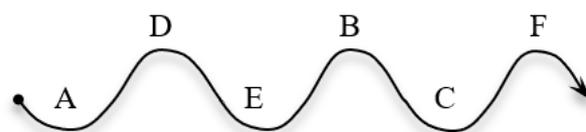

Рис. 1. Стабильные и нестабильные типы региональных комплексов / Fig. 1. Stable and Unstable Types of Regional Complexes

Источник / Source: составлено автором

Региональный комплекс, соответствующий типу А, E или С, находится в зоне устойчивого равновесия, тогда как региональный комплекс, соответствующий типу D, В или F, находится в состоянии неустойчивого равновесия, когда достаточно небольшого толчка, чтобы спровоцировать эскалацию регионального конфликта. Соответственно, чтобы дестабилизировать ситуацию в конкретном регионе, требуется сначала перевести региональный комплекс из устойчивого равновесия в неустойчивое.

Если говорить о современном положении в Юго-Восточной Азии, то его можно охарактеризовать как «тип С», или многополярно-кооперационный региональный комплекс, находящийся на «зрелой» стадии интеграционного сообщества. Он пребывает в состоянии устойчивого равновесия, поскольку все без исключения государства региона заинтересованы в поддержании статус-кво и укреплении существующего регионального порядка, основанного на принципе асеанцентричности. Очевидно, что дестабилизировать ситуацию в регионе можно, только «раскачав» его, то есть выведя из устойчивого равновесия. Если какие-то внешние по отношению к региону силы зададутся этой целью (а такие тенденции уже прослеживаются), то им придется преодолевать социальную инерцию, «стягивающую» государства Юго-Восточной Азии в региональный комплекс.

Одним из вариантов подобной срежиссированной дестабилизации является раздувание тлеющих этноконфессиональных конфликтов. Этот вывод дает нам возможность обозначить события-маркеры, позволяющие заранее отследить магистральное направление трансформации регионального комплекса,

чтобы заблаговременно принять соответствующие меры по недопущению реализации негативного сценария.

Воспользуемся следующими событиями-маркерами, укладывающимися в рамки двух возможных сценариев — пессимистического и оптимистического.

А. Пессимистический сценарий (эскалация конфликта)

1. Секьюритизация. Политизация локальной проблемы, превращение ее в центральный предмет обсуждения на региональном уровне.

2. Пропаганда. Информационная подготовка к конфликту, попытка навязать другим странам региона свое видение политизированной проблемы.

3. Взаимные претензии. Акцентирование противоречий между государствами региона, использование застарелых проблем как поводов для нового регионального конфликта («восстановление исторической справедливости»).

4. Подготовка к войне. Мобилизация населения, заключение оборонительных союзов, образование субрегиональных блоков и альянсов (в том числе с участием внерегиональных держав).

5. Военные действия. Вторжение на территорию других государств региона, оккупация спорных территорий (акваторий) и т. д.

Б. Оптимистический сценарий (деэскалация конфликта)

1. Десекуритизация. Демолитизация проблемы, лежащей в основе регионального дискурса в сфере безопасности, снижение накала страстей, переход сторон к взвешенному диалогу.

2. Позитивная повестка дня. Преобладание в региональных СМИ новостных сюжетов, позитивно трактующих развитие событий в регионе и акцентирующих внимание на региональной общности и идентичности.

3. Региональное сотрудничество. Регулярные встречи официальных лиц высокого и высшего уровня, проведение общерегиональных культурных и спортивных мероприятий.

4. Региональная интеграция. Создание региональных и субрегиональных интеграционных объединений, ставящих целью

развитие всестороннего сотрудничества между странами региона.

5. Создание наднациональных институтов. Образование наднациональных органов, которым страны региона делегируют часть своего национального суверенитета.

Нетрудно заметить, что события-маркеры как негативного, так и позитивного сценария ранжированы в порядке увеличения интенсивности их проявления, что дает возможность квантифицировать предложенную автором условную модель. Ее основные параметры колеблются в пределах от -5 (негативный сценарий) до $+5$ (позитивный сценарий), что позволяет оценить, на какой стадии находится сейчас изучаемая политическая ситуация. Подобранный регионально-страновой материал наглядно иллюстрирует процессы секьюритизации и десекуритизации, происходящие в заданных пространственно-временных координатах, и помогает определить потенциальный вектор дальнейшего развития изучаемой политической ситуации на ближайшую перспективу.

Алгоритм применения сценарного анализа

(на примере рохинджийского кризиса)

Задачей данного исследования является описание политической ситуации, потенциально способной стать катализатором регионального конфликта в Юго-Восточной Азии, и определение того, в какую сторону развиваются события и как изменить их ход, чтобы не допустить его дальнейшей эскалации. В качестве такого кейса автор предлагает рассмотреть ситуацию с мусульманами-рохинджа, давно вышедшую за рамки локального конфликта и приобретшую региональное — и даже глобальное — измерение².

Исторические рамки исследования охватывают пять последних лет, с момента первой террористической атаки рохинджийских боевиков на пограничные посты в северных районах Ракхайнской национальной области Мьянмы, граничащих с Бангладеш, и до

² Подробнее о рохинджа см.: [Ефремова 2018].

настоящего времени. В основе применяемой здесь методологии лежит сочетание методов новостного мониторинга и ивент-анализа. В качестве источниковой базы используются материалы ежедневного мьянманского интернет-издания «Иравади» (Irrawaddy.Com), созданного в 1993 г. группой бирманских журналистов-эмигрантов для объективного освещения обстановки в стране и регионе. В отличие от правительственных газет «Иравади» не боится затрагивать деликатные темы, в том числе связанные с этноконфессиональными конфликтами в национальных областях, поэтому его выпуски, как правило, более информативны, чем выпуски официальной прессы.

Основываясь на подборке публикаций, посвященных рохинджа и — шире — ситуации в Ракхайне в целом, нужно выбрать для последующего анализа события-маркеры, характеризующие развитие ситуации по пессимистическому (–5 ... –1) и оптимистическому (+1 ... +5) сценариям. Опираясь на эти данные, можно построить график, отражающий интенсивность развития событий (со знаком «минус» и со знаком «плюс») (рис. 2).

График рис. 2 наглядно демонстрирует, что общая тенденция развития ситуации в Ракхайне (по крайней мере, судя по ее освещению в СМИ) заключается в преобладании негативных сюжетов, свидетельствующих об эскалации конфликта (выделены красным цветом, длина штриха отражает степень интенсивности события). Из графика следует, что начиная с октября 2018 г. наметилась определенная (хотя и неустойчивая) тенденция к его деэскалации (соответствующие новостные сюжеты обозначены зеленым цветом). Тем не менее ситуация все еще не вышла на уровень, предшествующий атакам рохинджийских террористов на пограничные посты на севере Ракхайна в октябре 2016 г., и перспективы ее урегулирования остаются туманными.

Далее будет показано, как секьюритизировалась ситуация с рохинджа и какие меры правительство Мьянмы принимает по ее десекуритизации.

Эскалация конфликта

Истоки рохинджийской проблемы восходят к середине XIX — началу XX вв., когда колониальная Бирма являлась частью Британской Индии. Массовый приток иммигрантов из перенаселенной Бенгалии в сопредельную Бирму, стимулируемый англичанами, стал причиной значительных демографических диспропорций, что спровоцировало конфликт между пришлым и коренным населением пограничных территорий. Взаимное недоверие и борьба за ограниченные ресурсы (в первую очередь, за право на владение землей) привели к кровавым событиям 1942—1943 гг., получившим у британских историков название «араканская резня» (*the Arakan massacre*). Точное число жертв межобщинной розни с обеих сторон до сих пор не установлено — счет идет на десятки тысяч. Эти трагические события оставили о себе недобрую память, омрачив отношения между буддийской и мусульманской общинами Ракхайна на десятилетия вперед [Ефремова 2018: 146—147].

С тех пор противостояние коренных ракхайнцев и бенгальцев-рохинджа то тлело, то разгоралось вновь, при этом вполне укладываясь в общую логику межэтнических и межконфессиональных конфликтов, происходящих в регионе. Однако очередная вспышка насилия, имевшая место в 2016—2017 гг., по мнению экспертов International Crisis Group, «качественно отличалась от всего, что происходило в последние десятилетия», и имела «фундаментальные последствия для развития ситуации в этом беспокойном штате»³.

Во-первых, на этот раз нападению подверглись не местные жители, как это обычно происходит при межобщинных столкновениях, а посты пограничной полиции.

Во-вторых, нападавшие были хорошо подготовлены и действовали осознанно: их целью было захватить оружие, хранившееся на посту.

³ Myanmar: A New Muslim Insurgency in Rakhine State // ICG Asia Report No. 283. Yangon/Brussels, 2016. P. 1.

Рис. 2. Конфликт в Ракхайне (2016—2020 гг.) / Fig. 2. The Rakhine Conflict (2016—2020)

Источник / Source: составлено автором по материалам интернет-издания Irrawaddy.Com.

URL: <https://www.irrawaddy.com> (accessed: 20.10.2020)

В-третьих, нападавшими руководил полевой командир, прошедший военную подготовку в тренировочных лагерях на территории Афганистана и Пакистана. Им оказался Ата Улла (известный также как Абу Аммар Джунуни или Хафиз Тохар) — сын эмигрантов-рохинджа, родившийся в Карачи (Пакистан) и выросший в Мекке (Саудовская Аравия).

В-четвертых, нападавшие преследовали политические цели: привлечь внимание мирового сообщества к бедственному положению их непризнанной народности.

В совокупности эти четыре фактора позволили мьянманским властям отнести рохинджийскую группировку «Движение веры» (позднее переименованную в «Армию спасения рохинджей Аракана» — ARSA) к террористическим организациям и действовать в ее отношении соответственно.

Так, в ответ на нападение боевиков-рохинджа на посты полицейских в Маундо и Ратейдауне в октябре 2016 г. мьянманские власти вооружили местных ополченцев из числа ракхайнцев-буддистов и начали полномасштабную войсковую операцию, которая продолжалась до 15 февраля 2017 г.⁴

⁴ Country Policy and Information Note. Burma: Rohingya (including Rohingya in Bangladesh) // Government

В результате боевых действий, последовавших за повторными атаками рохинджийских боевиков в августе 2017 г., более 700 тысяч рохинджа были вынуждены покинуть места своего проживания и бежать за границу, в соседнюю Бангладеш⁵. Часть из них устремилась в мусульманские страны Юго-Восточной Азии — Индонезию и Малайзию. Таким образом, изначально локальная проблема превратилась в региональную, а когда к ее решению подключились органы ООН — то и в глобальную, приковав к себе внимание наблюдателей по всему миру.

Процесс секьюритизации рохинджийского гуманитарного кризиса, запущенный иностранными журналистами, протекал стремительно и быстро вышел из-под контроля мьянманских властей. В немалой степени этому способствовали боевики ARSA, выступавшие с провокационными заявлениями об одностороннем прекращении огня и своей непричастности к массовому исходу

of the United Kingdom. London: Independent Advisory Group on Country Information, March 2019. P. 25—27. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/790310/Burma_-_Rohingya_-_CPIN_-_v2.0__March_2019_.pdf (accessed: 20.10.2020).

⁵ Ibid. P. 29.

рохинджа из Мьянмы (хотя мьянманские власти утверждали обратное). По официальной версии, именно террористы сжигали целые деревни и запугивали местных жителей, принуждая их бежать в Бангладеш⁶. Однако большинство мировых средств массовой информации распространяли альтернативную версию происходящего, согласно которой вся вина за бедственное положение рохинджа перекладывалась на мьянманских силовиков, проводивших контртеррористическую операцию на севере Ракхайна⁷.

В марте 2017 г. в Бангладеш была направлена мониторинговая миссия Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, зафиксировавшая свидетельства беженцев о внесудебных казнях, убийствах мирных жителей (включая несовершеннолетних), пытках, избиваниях и насилии над женщинами, а также о поджоге домов рохинджа и целенаправленном уничтожении их имущества⁸. На этом информационном фоне, формирующем крайне негативное отношение к вооруженным силам Мьянмы (*Тамадо*), доклад специальной комиссии во главе с первым вице-президентом страны генерал-лейтенантом У Мьин Схвеем о расследовании ракхайнских событий⁹ прошел незамеченным для мировой общественности. В то же время значительный резонанс имели публикации неправительственных организаций

(в частности Amnesty International и Human Rights Watch) о бедственном положении рохинджа.

Начиная с 25 августа 2017 г., когда боевики ARSA совершили очередное массированное нападение на посты пограничной охраны, вновь вызвавшее жесткую ответную реакцию силовиков, осуждающие речи в адрес мьянманского руководства стали звучать с самых высоких трибун. Так, суровой критике подверглась позиция государственного советника Мьянмы, лауреата Нобелевской премии мира До Аун Сан Су Чжи, которая отказалась выступить в поддержку рохинджа [Симония 2018: 106—107]. Верховный комиссар ООН по правам человека Зейд Раад аль-Хусейн охарактеризовал происходящее в Ракхайне как «хрестоматийный пример этнических чисток»¹⁰.

События в Мьянме осудил Генеральный секретарь ООН Антониу Гуттериш. В середине сентября 2017 г. Совет Безопасности ООН, впервые за девять лет придя к единодушному мнению по ситуации в Мьянме, выразил глубокую озабоченность новым всплеском насилия в Ракхайне и призвал правительство страны принять неотложные меры по деэскалации конфликта¹¹.

Позднее начали появляться новые свидетельства того, что события в Ракхайне могут пойти по пессимистическому сценарию, потенциально способному привести к «балканизации» региона Южной и Юго-Восточной Азии. Так, в июне 2019 г. глава подкомитета Азиатско-Тихоокеанского региона комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США Брэдли Джеймс Шерман во время официальных слушаний прямо заявил о том, что территории на севере Ракхайнской национальной области Мьянмы,

⁶ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar London. 21.08.2017. URL: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=350> (accessed: 20.10.2020).

⁷ Burma: Military Commits Crimes Against Humanity. Expulsions, Murder, Rape, Persecution of Rohingya // Human Rights Watch. 25.08.2017. URL: <https://www.hrw.org/news/2017/09/25/burma-military-commits-crimes-against-humanity> (accessed: 25.09.2020).

⁸ Report of the Independent International Fact-finding Mission on Myanmar // UN Human Rights Council. 12.09.2018. URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/HRCouncil/FFM-Myanmar/A_HRC_39_64.pdf (accessed: 02.01.2021).

⁹ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar London. 21.08.2017. URL: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=350> (accessed: 20.10.2020).

¹⁰ UN human rights chief points to 'textbook example of ethnic cleansing' in Myanmar // UN News Centre. 11.09.2017. URL: <https://news.un.org/en/story/2017/09/564622-un-human-rights-chief-points-textbook-example-ethnic-cleansing-myanmar#.WblbuchJbIU> (accessed: 20.10.2020).

¹¹ Совбез ООН призвал немедленно прекратить насилие в штате Ракхайн в Мьянме // РИА Новости. 13.09.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170913/1504719768.html> (дата обращения: 20.10.2020).

где компактно проживают рохинджа, должны войти в состав сопредельной Бангладеш. По мнению американского сенатора, США могли бы взять на себя ответственность за защиту прав рохинджа, аналогично тому, как они встали в свое время на защиту прав населения Южного Судана. Мьянманское правительство выразило категорическое несогласие с этой идеей¹².

Еще одним дипломатическим демаршем, усугубляющим и без того непростую политическую ситуацию, стал иск, который Гамбия от лица Организации исламского сотрудничества (ОИС) подала против Мьянмы в Международный Суд ООН, требуя применить по отношению к ней Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Расследование было начато 11 ноября 2019 г. Государственный советник До Аун Сан Су Чжи лично возглавила мьянманскую делегацию, прибывшую в начале декабря 2019 г. в Гаагу, чтобы на заседании Международного Суда ООН защищать свою страну от обвинений в геноциде против рохинджа [Симония 2020: 116].

Наблюдатели отмечают некоторые странности, связанные с этим иском: например, неясно, почему от имени ОИС выступила небольшая африканская Гамбия, а не крупнейшая мусульманская страна Индонезия, расположенная непосредственно в Юго-Восточной Азии? Почему Су Чжи, которую на Западе прозвали «иконой демократии», не встает на сторону гонимого меньшинства рохинджа?

Тем не менее у этих странностей есть свои причины. В частности, их озвучила специальная комиссия во главе с первым вице-президентом У Мьин Схвеем, согласно докладу которой (июнь 2017 г.) конфликт в Ракхайне превратился из коммуналистского

в инспирированный извне, нацеленный на нанесение ущерба суверенитету Мьянмы¹³.

Очевидно, что против Мьянмы ведется целенаправленная дезинформационная кампания, направленная на разжигание как межконфессиональных конфликтов, так и внутренних противоречий в рядах правящей элиты. При этом совершенно ясно, что попытки перекроить политическую карту Юго-Восточной Азии, давно и настойчиво продвигающиеся внерегиональными державами, в случае их успеха приведут к расширению азиатской «дуги нестабильности», что коренным образом противоречит интересам России.

Вооруженное противостояние на юго-западе Мьянмы, в непосредственной близости от индийско-мьянманской границы, угрожает осуществлению проекта строительства Каладанского мультимодального транзитного транспортного коридора, который должен связать Аиджал, столицу индийского штата Мизорам, с городом-портом Ситвей, столицей Ракхайнской национальной области Мьянмы [Egreteau 2011: 472].

Кроме того, обострение ситуации на севере и юго-западе Мьянмы негативно скажется на перспективах реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), так как один из уже согласованных в рамках данного проекта экономических коридоров ведет из Юньнани в Ракхайн [Zhang, Hu, He Y., He Q. 2018: 27; Zaw 2019: 178]. Таким образом, изначально локальная проблема масштабируется до глобальной, затрагивая интересы не только региональных игроков, но и внерегиональных держав.

Деэскалация конфликта

Первые попытки снизить напряженность в Ракхайне датируются сентябрем 2016 г., когда была образована международная Консультативная комиссия по ситуации в Ракхайнской национальной области во главе

¹² US Congressman proposal for Rakhine state under Bangladesh baseless: Myanmar // The Economic Times. 01.07.2019. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/us-congressman-proposal-for-rakhine-state-under-bangladesh-baseless-myanmar/articleshow/70030607.cms?fbclid=IwAR0jYpjuv9YbmViTFAo84tYIslPFR7h44K9VYRaO-E_40hybymhaNlpNZQ0 (accessed: 20.10.2020).

¹³ Summary of the Report of the Investigation Commission for Maungdaw in Rakhine State // Embassy of the Republic of the Union of Myanmar London. 21.08.2017. P. 4—5. URL: <http://www.londonmyanmarembassy.com/index.php?id=350> (accessed: 20.10.2020).

с бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном [Симония 2017: 133—134]. Комиссия, в состав которой вошли девять человек, получила мандат на исследование взаимоотношений между двумя ракхайнскими общинами (буддийской и мусульманской) и подготовку практических рекомендаций для правительства Мьянмы, нацеленных на примирение сторон.

Доклад комиссии¹⁴ был представлен общественности 24 августа 2017 г., а на следующий день террористы-рохинджа вновь нанесли массированный удар по постам пограничной полиции на севере Ракхайна, что спровоцировало вторую волну насилия. Тем не менее, уже в сентябре мьянманские власти создали специальный Комитет по выполнению рекомендаций Консультативной комиссии Кофи Аннана, а в декабре того же года — Консультативный совет при данном комитете, который возглавил бывший вице-премьер и министр иностранных дел Таиланда Суракиарт Сатиратай.

С середины 2018 г. в мьянманской прессе начали появляться отдельные свидетельства постепенного урегулирования рохинджийской проблемы. Так, в начале июня СМИ сообщили о подписании меморандума о взаимопонимании между правительством Мьянмы, с одной стороны, и Программой развития ООН и Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев — с другой¹⁵. В конце июля Министерство труда, иммиграции и народонаселения Мьянмы опубликовало план возвращения беженцев в свои деревни в округах Бутидаун и Маундо, согласованный с ПРООН и Управлением Верховного комиссара ООН по делам

беженцев¹⁶. Тогда же мьянманским правительством была создана независимая Комиссия по расследованию нарушения прав человека в Ракхайне под председательством г-жи Розарио Манало, в которую вошли видные чиновники и дипломаты.

В августе 2018 г. Консультативный совет представил свой итоговый доклад, в котором была высоко оценена деятельность Комитета по выполнению рекомендаций Консультативной комиссии под председательством У Вин Мья Эя. Тогда же члены независимой международной миссии по установлению фактов в Мьянме, созданной под эгидой Совета по правам человека в ООН, представили 20-страничный доклад о бедственном положении рохинджа и других этнических меньшинств, в котором обвинили мьянманских силовиков в геноциде и других преступлениях против человечности¹⁷.

Мьянманское правительство категорически отвергло эти обвинения. Не подтвердила их и Комиссия по расследованию нарушения прав человека в Ракхайне, чей итоговый доклад был опубликован в январе 2020 г.¹⁸

Тем не менее обстановка на юго-западе Мьянмы продолжает оставаться напряженной. Дакка и Нейпидо никак не могут согласовать процедуру возвращения беженцев (преимущественно рохинджа), обвиняя друг друга в срыве договоренностей о репатриации, достигнутых еще в октябре 2018 г. Сами рохинджа опасаются возвращаться в Мьянму, несмотря на заверения мьянманских чиновников о том, что их безопасность будет гарантирована. Многие беженцы, обитающие

¹⁴ Towards a peaceful, fair and prosperous future for the people of Rakhine: Final Report of the Advisory Commission on Rakhine State // Advisory Commission on Rakhine State. 23.08.2017. URL: https://www.rakhinecommission.org/app/uploads/2017/08/FinalReport_Eng.pdf (accessed: 20.10.2020).

¹⁵ Myint M. President's Office Probing Source of Leaked MOU on Rohingya Repatriation // The Irrawaddy. 03.07.2018. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/presidents-office-probing-source-leaked-mou-rohingya-repatriation.html> (accessed: 25.01.2021).

¹⁶ Naing Zaw H. UN and Myanmar Govt Release Plan to Rehabilitate Rakhine Villages // The Irrawaddy. 23.07.2018. URL: <https://www.irrawaddy.com/news/burma/un-myanmar-govt-release-plan-rehabilitate-rakhine-villages.html> (accessed: 25.01.2021).

¹⁷ Доклад независимой международной миссии по установлению фактов в Мьянме // ГА ООН. 12.09.2018. URL: https://digitallibrary.un.org/record/1648304/files/A_HRC_39_64-RU.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

¹⁸ Executive Summary of Independent Commission of Enquiry Final Report // President Office of the Republic of the Union of Myanmar. 25.08.2017. URL: <https://www.president-office.gov.mm/en/?q=briefing-room/news/2020/01/21/id-9838> (accessed: 20.10.2020).

во временных лагерях на бангладешско-мьянманской границе, рассчитывают на переселение в третьи страны и становятся легкой жертвой контрабандистов, обещающих перевезти их в Малайзию или Индонезию, где они якобы получают убежище. Таким образом, говорить о том, что ситуация в Ракхайне и вокруг него стабилизировалась, пока преждевременно.

Заключение

Завершая описание предложенного автором алгоритма прикладного политического анализа региональных комплексов, необходимо подчеркнуть следующие аспекты.

1. Региональный комплекс представляет собой «группу государств, обладающую достаточно высокой степенью функциональной и географической взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса» [Воскресенский, Колдунова, Лунев 2014: 196]. Они могут быть «зрелыми» и «незрелыми» в зависимости от стадии их развития. «Зрелым» считается такой региональный комплекс, который обладает собственной региональной идентичностью и потенциально способен выступать в качестве самостоятельного актора мировой политики [Ефремова 2019: 7]. Региональная идентичность формируется в процессе тесного взаимодействия политических элит государств региона по поводу ключевых региональных проблем, требующих коллективного решения. Существует шесть «идеальных типов» региональных комплексов — три устойчивых и три неустойчивых — каждому из которых соответствует свое соотношение таких факторов как полярность и дружелюбность — враждебность.

2. Прикладной международно-политический анализ региональных комплексов позволяет решать задачи, ранее остававшиеся за рамками ТМО. Так, классическая теория международных отношений, рассматривающая мировую политику как результат центровых взаимодействий (национальный уровень) или системных факторов (глобальный уровень), не может объяснить, почему конфликт локального масштаба между двумя

второстепенными азиатскими странами вдруг приобрел глобальное значение. Если же мы используем объяснение регионального уровня, то становится очевидно, что данный конфликт используется для разбалансировки отношений в рамках регионального комплекса Юго-Восточной Азии, который играет центральную роль в политике великих держав.

3. Региональный комплекс Юго-Восточной Азии относится к устойчивому многополярно-кооперационному типу. Это означает, что страны региона научились решать возникающие между ними противоречия мирным путем, без применения силы. Чтобы дестабилизировать ситуацию в таком региональном комплексе, необходимо иметь экстраординарный предлог — например, обвинения в геноциде, за которыми может последовать военное вмешательство извне. Этот сценарий, предполагающий интернационализацию ракхайнского противостояния, абсолютно не приемлем для России, Индии, Китая и самих стран АСЕАН. Поэтому нам следует и далее прикладывать усилия по его мирному урегулированию на двусторонней основе.

Приведенный автором пример рохинджийского кризиса наглядно демонстрирует неразрывную взаимосвязь между исследованием международных отношений и регионально-страновой проблематики. Не понимая конкретной регионально-страновой специфики, теоретики-международники рискуют дать чрезмерно упрощенные и даже ошибочные прогнозы развития международно-политической ситуации в том или ином регионе. И наоборот, без минимального владения теорией международных отношений практики-регионоведы рискуют переоценить значимость тех или иных событий в изучаемой стране/регионе и сделать неверные выводы относительно дальнейшего направления их развития.

Исследование регионального комплекса отличается от рутинного исследования международных отношений, в первую очередь, глубокой проработкой фактографического материала, помещенного в региональный и глобальный контекст, что подразумевает привлечение источников и научной литературы,

в том числе на языках изучаемой страны / региона.

Вместе с тем два этих вида исследований роднит общая сфокусированность на построении прогностических сценариев, которое невозможно без понимания основ политиче-

ской теории. Таким образом, прикладной анализ международно-политической ситуации в том или ином регионе мира требует комплексной подготовки, включающей и исторические, и политологические аспекты.

Поступила в редакцию / Received: 26.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 25.12.2020

Библиографический список

- Воскресенский А.Д.* Предмет и задачи изучения региональных подсистем международных отношений // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: РОССПЭН, 2002. С. 3—14.
- Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Лунев С.И.* Макрорегионализация и региональные комплексы. Виды регионов. Региональные подсистемы и региональный порядок // Мировое комплексное регионоведение / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр — ИНФРА-М, 2014. С. 176—200.
- Ефремова К.А.* Кризис вокруг рохинджа: национальные, региональные и глобальные аспекты // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 1. С. 144—160.
- Ефремова К.А.* Понятие регионального комплекса: от теории к практике // Материалы X Юбилейного Южно-российского политологического конвента «Политическая власть в условиях социальной турбулентности: региональные и глобальные аспекты» / отв. ред. Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина. Ростов-на-Дону — Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 61—64.
- Ефремова К.А.* Сравнительный анализ теоретических подходов к определению регионального комплекса // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 5—19. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10013
- Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения. М.: Наука, 1976.
- Примаков Е.М., Хрусталева М.А.* Ситуационные анализы: методика проведения. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России, 2006.
- Симония А.А.* Гаагский процесс: Аун Сан Су Чжи отрицает геноцид в Мьянме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 46 (1). С. 115—126. DOI: 10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126
- Симония А.А.* Массовый исход бенгальцев-рохинджа: кто виноват и что делать? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 36. С. 124—139.
- Симония А.А.* Мьянма: нерешенные политические проблемы правительства НЛД // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4 (41). С. 100—111.
- Хрусталева М.* Две ветви ТМО в России // Международные процессы. 2006. № 2 (4). С. 119—128.
- Ayoob M.* From Regional System to Regional Society: Exploring Key Variables in the Construction of Regional Order // Australian Journal of International Affairs. 1999. Vol. 53. No. 3. P. 247—250.
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. H.* Security: A New Framework of Analysis. Boulder, Co: Lynne Rienner, 1997.
- EgretEAU R.* A Passage to Burma? India, Development, and Democratization in Myanmar // Contemporary Politics. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 467—486.
- Hettne B.* The New Regionalism: A Prologue // Globalism and the New Regionalism / ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. London — New York: Palgrave Macmillan, 1999. P. xv—xxxvi.
- Lake D.A.* Regional Hierarchy: Authority and Local International Order // Review of International Studies. 2009. Vol. 35. No. 1. P. 35—58.
- Whittlesey D., James P. E., Malin J., Jones C. F., McCarty H. H. et al.* Regional Study with Special Reference to Geography. Washington: National Academy of Sciences — National Research Council, 1952.
- Zaw A.* Tayo-Myanma sibwaye zinggyang lanma thomahou Myanma nainggang-i deyth-twin mahabyuha tanbou ahlearuayung [Китайско-мьянманский экономический коридор, или Изменение стратегической значимости Мьянмы в регионе] // *Myanma yeyu*. 2019. No.11. P. 161—190. (На бирманском языке).
- Zhang X., Hu Z., He Y., He Q.* Mianbei chongtu dui “Yi dai yi lu” zai Mian tuijinde yingxiang jili [Механизм влияния конфликта на севере Мьянмы на осуществление проекта «Один пояс, один путь» на территории Мьянмы] // *Shijie dili yanjiu*. 2018. No. 2 (27). P. 26—35. (На китайском языке).

References

- Ayoob, M. (1999). From Regional System to Regional Society: Exploring Key Variables in the Construction of Regional Order. *Australian Journal of International Affairs*, 53(3), 247—250.
- Buzan, B., & Wæver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J.H. (1997). *Security: A New Framework of Analysis*, Boulder, Co: Lynne Rienner.
- Efremova, K.A. (2018). The Rohingya People Crisis: Domestic, Regional and Global Aspects. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, (1), 144—160. (In Russian).
- Efremova, K.A. (2019). Comparative Analysis of Theoretical Approaches to Definition of the Regional Complex. *Comparative Politics Russia*, 10(2), 5—19. (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10013
- Efremova, K.A. (2020). The Notion of Regional Complex: From Theory to Praxis. In R.A. Pupykin & K.P. Piliugina (Eds.), *Materials of the 10th Commemorative South-Russian Convent of Political Scientists "Political Power at the Condition of Social Turbulence: Regional and Global Aspects"*. Rostov-on-Don — Taganrog: Izdatel'stvo Iuzhnogo federal'nogo universiteta publ. (pp. 61—64). (In Russian).
- Egreteau, R. (2011). A Passage to Burma? India, Development, and Democratization in Myanmar. *Contemporary Politics*, 17(4), 467—486.
- Hettne, B. (1999). The New Regionalism: A Prologue. In B. Hettne, A. Inotai & O. Sunkel (Eds.), *Globalism and the New Regionalism*. London — New York: Palgrave Macmillan (pp. xv—xxxvi).
- Khrustalev, M. (2006). Two Russian Schools in IR Theory in Russia. *International Trends*, 2(4), 119—128. (In Russian).
- Lake, D.A. (2009). Regional Hierarchy: Authority and Local International Order. *Review of International Studies*, 35(1), 35—58.
- Pozdniakov, E.A. (1976). *The System Approach and International Relations*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Primakov, E.M., & Khrustalev, M.A. (2006). *Situation Analyses: A Methodology*. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyi forum po mezhdunarodnym otnosheniyam, MGIMO MID Rossii publ. (In Russian).
- Simoniya, A.A. (2017). The Exodus of the Bengali-Rohingya: Who is to Blame and What to Do? *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, (36), 124—139. (In Russian).
- Simoniya, A.A. (2018). Myanmar: Non-Resolved Political Problems of the NLD Government. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, 4(41), 100—111. (In Russian).
- Simoniya, A.A. (2020). Hague Trial: Aung San Suu Kyi Denies Genocide in Myanmar. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, 46(1), 115—126. (In Russian). DOI: 10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126
- Voskresenskii, A.D. (2002). The Subject and Goals of Studying Regional Subsystems of International Relations. In A.D. Voskresenskii (Eds.), *East / West: Regional Subsystems and Regional Problems of International Relations*. Moscow: ROSSPEN publ. (pp. 3—14). (In Russian).
- Voskresenskii, A.D., Koldunova, E.V., & Lunev, S.I. (2014). Macrorregionalization and Regional Complexes. Types of Regions. Regional Subsystems and Regional Order. In A.D. Voskresenskii (Eds.), *World Regional Studies*. Moscow: Magistr — INFRA-M publ. (pp. 176—200). (In Russian).
- Whittlesey, D., James, P.E., Malin, J., Jones, C.F., McCarty, H.H. et al. (1952). *Regional Study with Special Reference to Geography*. Washington: National Academy of Sciences — National Research Council.
- Zaw, A. (2019). Tayo-Myanma sibwaye zingyang lanma thomahou Myanma nainggang-i deyth-twin mahabyuha tanbou ahleapyaung [China — Myanmar Economic Corridor, or the Shifting Strategic Importance of Myanmar in the Region]. *Myanma yeya*, (11), 161—190. (In Burmese).
- Zhang, X., Hu, Z., He, Y., & He, Q. (2018) Mianbei chongtu dui “Yi dai yi lu” zai Mian tuijinde yingxiang jili [The Conflict in North Myanmar's Impact on the Realization of “One Belt, One Road” Initiative in Myanmar]. *Shijie dili yanjiu*, 2(27), 26—35. (In Chinese).

Сведения об авторе: Ефремова Ксения Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китайоведения и региональных проектов Московского государственного института международных отношений (МГИМО МИД России) (e-mail: efremova@mgimo.ru).

About the author: Efremova Ksenia Aleksandrovna — PhD in Political Science, Associate Professor, Asian and African Studies Department, Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University (e-mail: efremova@mgimo.ru).